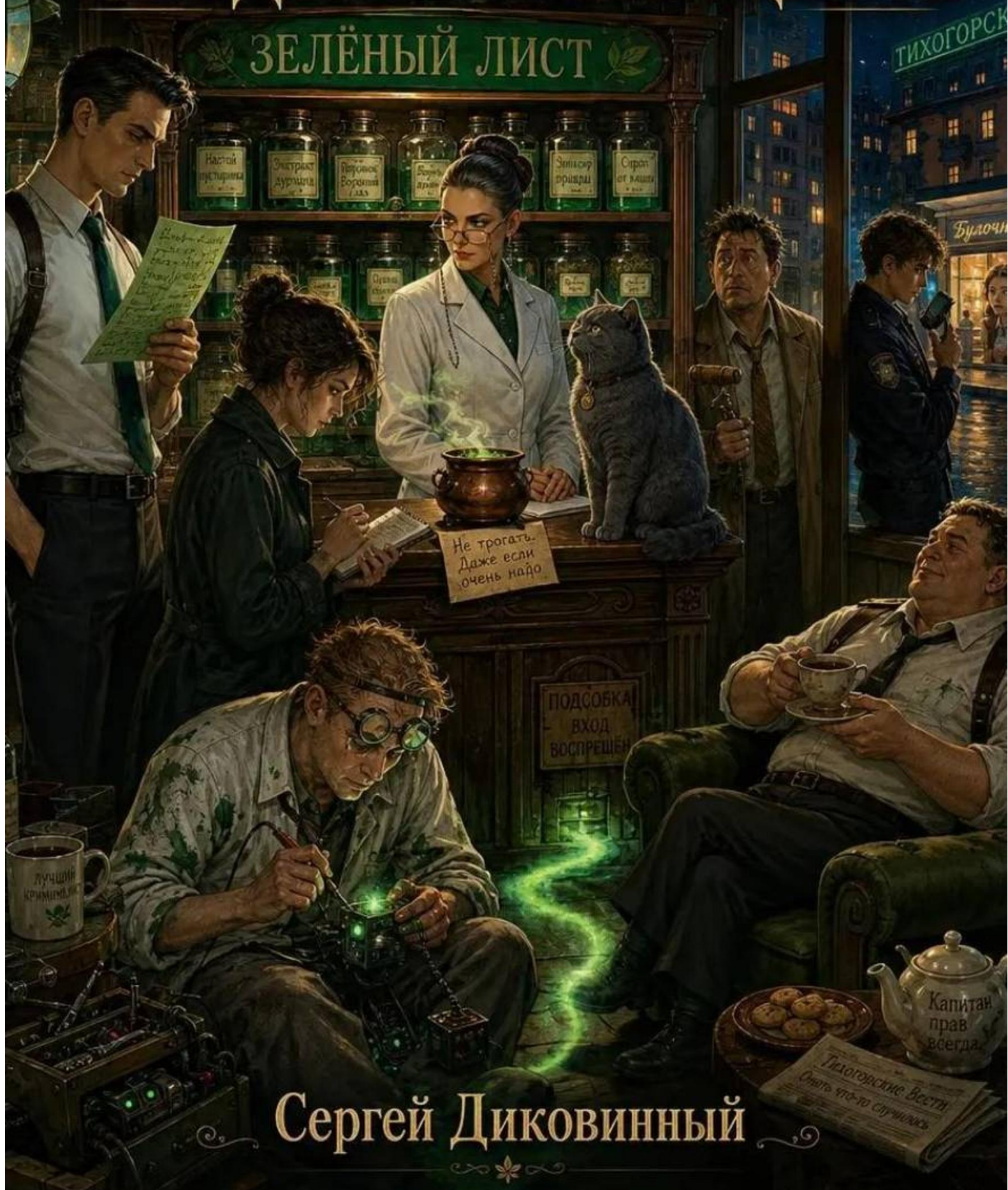

ДЕЛО О ВЕДЬМЕ-ФАРМАЦЕВТЕ

Отдел
"Тихий ужас".
Новелла пятая

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дело о ведьме-фармацевте

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Дело о ведьме-фармацевте / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

В Тихогорске есть отдел номер семь. Он занимается тем, чем не занимается никто: троллейбусами, которые не хотят ехать, статуями, которые устали стоять, и прочей мелкой нечистью, которая время от времени заводится в приличном городе. В аптеке «Зелёный лист», что на улице Гоголя, между булочной и ателье, люди умирают от здоровья. Приходят уставшие, уходят бодрые. Через две недели заканчиваются. Три идеальных трупа, аккуратный почерк на зелёных этикетках и провизор с дипломом магистра, которая не считает себя преступницей. Агата Витольдовна Клевер двадцать лет варит «идеалин» — лекарство от всех недостатков сразу. Она искренне верит, что делает добро. И в этом её тихий ужас: она права ровно настолько, чтобы быть опасной. Пока отдел разбирается с формулой, сверху звонит телефон, по которому звонят дважды в год. Формулу требуют. Не как вещдок — как ресурс. И в этот момент в дверях появляется человек в мятом плаще, с усталыми глазами и штопором в руке...

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аптека «Зелёный лист»	5
Глава 2. Три идеальных трупа	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дело о ведьме-фармацевте

Глава 1. Аптека «Зелёный лист»

Утро в отделе номер семь начиналось по расписанию. Кулибин паяет. Дроздов листает. Муромцев лежит. Синичкина опаздывает на четыре минуты. Орлов гладит рубашку рукой. Тимофей сидит на папке. Лепнина осыпается. Лампочка мигает.

Всё как всегда. Пока не позвонили снизу.

— Товарищ майор! — кричал голос из дежурки. — Тут аптека!

Орлов поднял трубку.

— Какая аптека?

— «Зелёный лист». На Гоголя.

— Что с ней?

— Люди приходят.

— Все аптеки такие, — сказал Орлов.

— Не такие. Люди приходят здоровые. Уходят здоровее. Потом умирают.

— От чего?

— От здоровья.

— В смысле — от здоровья?

— В прямом. Три случая за неделю. Врачи разводят руками. Патологоанатом сказал: «Идеальный труп». И ушёл в отпуск.

— Почему ушёл?

— Сказал — страшно. Но весело.

Орлов положил трубку. Посмотрел на отдел.

— Собираемся. Аптека.

— А что с аптекой? — спросил Муромцев.

— Люди умирают от здоровья.

— А должны?

— Муромцев, — сказал Орлов.

— Ммм.

— Ты сегодня с нами.

Муромцев вздохнул и сел на диване. Диван скрипнул.

Дроздов оторвался от телефона.

— А что, есть аптеки, где не умирают?

— Дроздов, — сказал Орлов.

— М?

— Ты тоже с нами.

Дроздов вздохнул. Телефон убрал не сразу — на всякий случай сделал ещё один скролл.

Кулибин уже надевал пальто. Пальто было в зелёных пятнах. Кулибин не замечал. Кулибин никогда не замечал пятен. Кулибин замечал только то, что можно разобрать на части и собрать обратно.

Тимофей сидел на папке «ВЕЩДОК» и не двигался. Папка была заперта. Тимофей был сверху. Это была позиция.

Синичкина вбежала в кабинет — ровно на четыре минуты позже, чем все.

— Извините, — сказала она. — Автобус.

— Какой автобус? — спросил Орлов.

— Семнадцатый.

— Он ехал?

— Нет.

— Стоял?

— Ехал. Но медленно. И как бы нехотя.

— Ладно, — сказал Орлов. — Все в машину.

Аптека «Зелёный лист» находилась на улице Гоголя, между булочной и ателье. Вывеска была зелёная. Стеклопакеты — зелёные. Горшки с геранью на подоконнике — зелёные. Даже продавщица из булочной, стоявшая на пороге и глядевшая на аптеку, была слегка зеленоватой — от зависти, потому что у неё в булочной никто не умирал, а клиентов всё равно было меньше.

Служебная машина остановилась у тротуара. Из неё по одному вышли все, кроме Тимофея. Тимофей не поехал. Тимофей остался на папке. Это была тоже позиция.

Внутри пахло мятой, хлорофиллом и чем-то ещё, чему Орлов не нашёл названия. Что-то вроде свежесрезанного луга, если бы этот луг вырастили в пробирке и слегка перевыполнил план.

За прилавком стояла женщина. Лет сорока. Строгая. В белом халате. Очки на цепочке. Волосы убраны так аккуратно, что могли бы служить иллюстрацией к слову «порядок».

— Здравствуйте, — сказал Орлов. — Майор Орлов. Мы по поводу...

— Я знаю, по какому поводу, — сказала женщина. — По поводу здоровья. Все по поводу здоровья. Никто не хочет болеть. А я даю здоровье. Это преступление?

— Вообще-то да, — сказала Синичкина. — Три трупа.

— Три идеальных трупа, — поправила женщина. — Это разные вещи.

— В чём разница? — спросил Орлов.

— Обычный труп — это неудача. Идеальный труп — это результат.

Орлов посмотрел на неё. Она посмотрела на Орлова. Где-то в подсобке что-то тихо булькнуло. Из-под двери медленно выполз зелёный парок и растаял в воздухе.

— Как вас зовут? — спросил Орлов.

— Агата Витольдовна Клевер. Провизор. Двадцать лет стажа. Магистр фармацевтики.

— И вы... — Орлов подбирал слово.

— Ведьма, — сказала Агата Витольдовна. — Не бойтесь, это не ругательство. Это квалификация.

— Диплом есть? — спросил Дроздов, поднимая телефон.

— Диплом есть, — сказала Агата Витольдовна. — Но он в рамке. Не дам.

— А сфотографировать?

— Дроздов, — сказал Орлов.

— М?

— Потом.

Кулибин уже обходил полки. Очки на резинке подпрыгивали. Он смотрел на банки, на бутылки, на пакетики. На одной из полок стоял ряд флаконов с ярко-зелёными этикетками. Рукописными. Аккуратным почерком.

— «Идеалин», — прочитал Кулибин. — «Средство от всех недостатков. Принимать по капле. Не превышать». А что если превысить?

— Тогда, — сказала Агата Витольдовна с гордостью, — недостатков не останется совсем.

— Совсем? — переспросил Дроздов.

— Совсем, — подтвердила Агата Витольдовна. — Ни одного. Идеальный человек. Идеальный организм. Идеальная жизнь.

— А смысл? — спросил Муромцев.

Все обернулись. Муромцев стоял в дверях, прислонившись к косяку, и смотрел на Агату Витольдовну без всякой иронии.

— В смысле? — не поняла она.

— В смысле — зачем? — Муромцев пожал плечами. — Если у человека нет недостатков, ему и делать нечего. Он уже всё. Финиш.

Агата Витольдовна впервые за разговор моргнула.

— Это... — начала она. — Это философский вопрос.

— Ага, — сказал Муромцев. — А трупы — биологический.

Синичкина записывала. Дроздов снимал. Кулибин уже открыл шкафчик в подсобке и тихо сказал: «Ого».

В подсобке стоял котёл. Маленький, медный, под зелёной лампой. Над котлом висел пучок сушёной полыни и записка: «Не трогать. Даже если очень надо». Кулибин потрогал. Из котла повалил зелёный пар. Кулибин закашлялся и отступил.

— Это ваше? — спросил он.

— Это моё, — сказала Агата Витольдовна. — Это производство.

— А разрешение на производство?

— У меня диплом магистра.

— Это не то же самое.

— В каком-то смысле то же самое.

Из подсобки вышел Кулибин. Вытирал очки. Рубашка была в зелёных пятнах — теперь ещё и в новых.

— Товарищ майор, — сказал он. — Так это не отравка. Это идеалин. Он реально работает. Я глянул формулу. Там всё чисто. Просто...

— Что просто?

— Он слишком хорошо работает.

Тем временем в отделе Тимофей сидел на папке «ВЕЩДОК». Папка была заперта. Тимофей смотрел на дверь. Дверь была закрыта. Тимофей моргнул. Лепнина на потолке осыпалась на пол. Лампочка мигнула.

Тимофей вздохнул. Или не вздохнул. Никто не видел.

В аптеке Агата Витольдовна сняла очки. Протёрла их. Надела обратно.

— Хорошо, — сказала она. — Я всё объясню. Только давайте без морали. Мораль я уже слышала. Мораль у меня в дипломе.

— Обещаю, — сказал Орлов.

— Вы врёте, — сказала Агата Витольдовна. — Но вежливо. Это уже что-то. Синичкина записала: «Врёт, но вежливо». Подчеркнула.

Глава 2. Три идеальных трупа

Папку по трём трупам принесла Синичкина. Папка была тонкая. Это уже само по себе настораживало — обычно к третьему трупу папка толстая, а тут три фамилии, три фотографии и один общий вывод на полстраницы.

— Что там? — спросил Орлов.

— Смотрите сами. — Синичкина положила папку на стол. Стол скрипнул.

Орлов открыл.

Первый труп. Гражданин Перов, Пётр Ильич, 52 года. Электрик. Фотография: мужчина на кушетке. Выглядит так, будто прилёг. Не как покойник. Как человек, который отлично выспался и собирается встать.

Вывод: «Смерть наступила в результате полной остановки всех жизненных функций на фоне...» — дальше шло слово, которое Орлов перечёл три раза. Слово было «совершенствования».

— Что? — сказал Орлов.

— Вот и мы, — сказала Синичкина. — Врачи написали «совершенствования». Патологоанатом переписал на «оптимизации». А потом ушёл в отпуск.

— Ему что, не понравилось?

— Ему понравилось. Слишком. Он сказал: «Я такое видел только в теории. И в теории такого быть не может».

Второй труп. Гражданка Ершова, Алла Борисовна, 44 года. Кассир. Фотография та же история — женщина лежит с таким лицом, будто ей только что выдали премию и повысили.

Вывод: «Полное отсутствие признаков болезни. Полное отсутствие признаков старения. Полное отсутствие признаков чего-либо».

— Чего-либо? — переспросил Дроздов.

— Вообще чего-либо, — сказала Синичкина. — Она просто закончилась.

Третий труп. Гражданин Никитин, Валерий Семёнович, 61 год. Сторож. Тут даже фото было особенное: он лежал с улыбкой. Не с гримасой. С улыбкой. Как будто во сне досмотрел хороший фильм.

Вывод: «Причина смерти — избыточная оптимальность».

— Избыточная оптимальность, — повторил Орлов.

— Ага.

— Это медицинский термин?

— Теперь да.

Муромцев поднял голову с дивана.

— А где они покупали?

— У неё, — сказала Синичкина. — Все трое. Это уже установлено. Каждый — последние две недели, регулярно.

— Что покупали?

— Сначала обычное. Витамины. От давления. От сердца. Потом она им дала свой идеалин.

— А они не спрашивали, что это?

— Спрашивали.

— И?

Синичкина перелистнула страницу.

— Вот. Перов сказал жене: «Мне это выписал врач». Какой врач — не уточнил. Жена говорит, он был в восторге. Говорил, что первый раз в жизни чувствует себя молодым.

— В каком смысле молодым?

— В прямом. Ему пятьдесят два. Через неделю он бегал по утрам. Через две — записался на марафон.

— На марафон, — повторил Орлов.

— На марафон.

— А потом?

— А потом финиш. В буквальном смысле.

Кулибин отвлёкся от паяльника.

— Товарищ майор, можно?

— М.

— Я тут на досуге посмотрел формулу идеалина. Точнее, то, что Агата Витольдовна дала. Это не химия. Это не фармакология. Это не то и не это.

— А что это?

— Это, — Кулибин поднял палец, — в чистом виде дистилляция желания. Пациент хочет быть здоровым — она ему даёт здоровье. Пациент хочет быть молодым — даёт молодость. Пациент хочет быть идеальным — даёт идеальность.

— И?

— И всё.

— Что — всё?

— Всё. Человек, который становится идеальным, перестаёт нуждаться в чем-либо. А тот, кто перестаёт нуждаться, — Кулибин развёл руками, — перестаёт быть.

— Кулибин, — сказал Орлов.

— М.

— Ты сейчас философию сказал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.